

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Алексѣй Николаевичъ

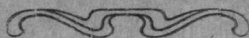
Плещеевъ.

БІОГРАФІЯ

и ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДЪ РЕДАКШЕЙ

Д. И. ТИХОМИРОВА.

Цѣна 1 р. 20 к.

Москва. — 1918.

Типографія ТЕОДОРЪ ДОРТМАНЪ,
Москва, Тверск., Газетн., 6. Тел. 1.06-45

✓

n-387

H

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

~~11-359~~
11-38

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

БИБЛИОТЕКА ДЕТСКОЙ И ЮНОЙ

Александр Некрасов

ПЕЩЕРЫ

МОСКВА

ПЕРВАЯ 40887

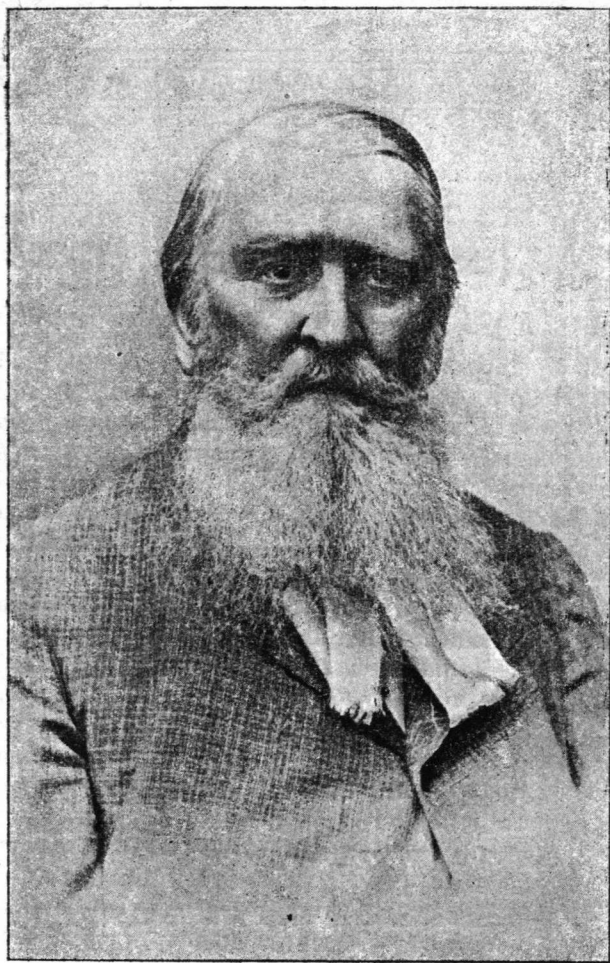
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

3-е издание. Редакция: журнал "Юная Россия".
Москва, 5. Мамонтова, 4. 1918.

МОСКВА-1918

Типография Т. Дортманъ, Тверская, Газетный пер., д. 6.

VIII. 18. 5.000. 2863.

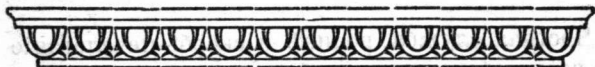

А. Н. Плещеев.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ ПЕЧАТИ
ДЕТГИЗА

А. Н. Плещеев.

Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ.

(Родился 22 ноября 1825 г., умеръ 26 сентября 1893 г.)

Родъ Плещеевыхъ—древній боярскій родъ.

Болѣе шестисотъ лѣтъ тому назадъ, черниговскій бояринъ Бяконтъ перешелъ на службу въ Москву къ великому князю Ивану Даниловичу. Внукъ этого Бяконта носилъ прозвище *Плещей*,—отъ него и пошелъ знатный родъ Плещеевыхъ.

Съ честью послужили Плещеевы старой московской Руси,—великокняжеской и царской,—и новой Россіи императорской. Митрополитъ Московскій св. Алексѣй, великій печальникъ земли русской во время татарской неволи и духовный писатель, приходился роднымъ братомъ Бяконту-Плещею. Немало насчитываютъ въ своемъ роду Плещеевы государственныхъ мужей и общественныхъ дѣятелей, а въ прошломъ—XIX столѣтіи—и писателей. Такъ, одна изъ Плещеевыхъ перевела на русскій языкъ книгу подъ заглавіемъ: «Училище бѣдныхъ, работниковъ, слугъ, ремесленниковъ и всѣхъ нижняго класса людей».

Честная служба родинѣ и скорбь-печалованіе обо всѣхъ обездоленныхъ были добрымъ завѣтомъ и лучшимъ наслѣдствомъ, какое получилъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ отъ своихъ предковъ.

Родиной Алексѣя Николаевича Плещеева было Поволжье. Родился онъ въ Костромѣ (мать его — дочь костромского помѣщика), а дѣтскіе годы его съ двухлѣтняго возраста прошли въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ отецъ его служилъ губернскимъ лѣсничимъ.

Характеръ и способности человѣка сказываются еще въ раннемъ дѣтствѣ. Будущій поэтъ, печальникъ обездоленныхъ, росъ ребенкомъ тихимъ, впечатлительнымъ, съ нѣжнымъ и добрымъ сердцемъ. Онъ страстно любилъ свою мать и няню, свой скромный и тихій родной уголокъ. Рано онъ сталъ задумываться надъ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ вокругъ себя. Съ дѣтскихъ поръ открылись въ немъ и прекрасныя дарованія. До тринадцати лѣтъ онъ учился дома, хорошо усвоилъ первоначальныя науки и три иностранныхъ языка.

До самой старости памятливы были Алексѣю Николаевичу его дѣтскіе годы, и съ трогательною нѣжностью онъ рассказываетъ въ стихотвореніи «Былое» о своихъ дѣтскихъ радостяхъ и горестяхъ.

Картины далекаго дѣтства

Порой предо мной встають,—

И вижу опять я знакомый,

Весь въ бѣлыхъ кувшин-

чикахъ, прудъ.

Вокругъ него—темная чаша,
Гдѣ сотни звучать голосовъ,
И узкая вьется тропинка
Къ нему между цѣпкихъ

кустовъ...

То былъ уголокъ мой любимый
Въ запущенномъ старомъ саду.
Сюда съ своей дѣтскою думой,
Бывало, всегда я иду.
Подъ сѣнь этихъ дубовъ

могучихъ

И трепетныхъ бѣлыхъ березъ
Я дѣтскую радость и слезы,
Въ груди накопившія, несъ;
И ласково такъ ихъ

вершины,

Казалось, въ отвѣтъ мнѣ

шумять,

Что, слушая ихъ, я какимъ-то

Былъ сладостнымъ чув-

ствомъ объять.

Нерѣдко, какъ видно, приносилъ ребенокъ
подъ сѣнь ласковыхъ къ нему дубовъ накопившія въ груди радость и слезы; часто, должно быть, посѣщали его раннія думы, и съ дѣтства привыкъ онъ хранить эти думы и чувства въ самомъ себѣ, глубоко переживать ихъ.

Вотъ еще и другая картинка, вызвавшая въ ребенкѣ недѣтскій вопросъ:

И „дѣтскую“ нашу я вижу...

Въ углу съ образами кіотъ;

Лампада предъ ними; сіянье

Вокругъ она тихое льетъ...

Давно меня спать уложили;

Но я все не сплю—и очей

Свести не могу любопытныхъ

Съ молящейся няни моей.

Крестясь и вздыхая, старушка

Кладетъ за поклономъ поклонъ.

И много она называла

Мнѣ близкихъ и милыхъ именъ.

Вотъ, стала она на колѣни;

Лицо ея мокро отъ слезъ.

„О чемъ она плачетъ?“—

невольно

Во мнѣ шевелится вопросъ.

„Прости мнѣ мои прегрѣшенія!“—

Дрожація шепчутъ уста...

А я себѣ думаю: „чѣмъ же

Она прогнѣвила Христа?“

Ребенокъ подростъ; ему уже тринадцать лѣтъ. Домашнее ученье окончено. Пришла пора отдать мальчика въ учебное заведеніе. Его везутъ въ далекій Петербургъ, къ чужимъ людямъ. Онъ покинулъ родное гнѣздо. У него, какъ и у всякаго другого ребенка, ноетъ и болитъ сердце... Но рѣдко у кого другого въ этомъ возрастѣ можетъ явиться такая безотрадная мысль, что онъ, быть можетъ, *навѣки* съ роднымъ разстается гнѣздомъ что онъ уже отрѣзанный ломоть отъ своего родного, съ чѣмъ сжился и сросся, что ему было такъ дорого, что онъ такъ страстно любить.

Морозная ночь; но мальчику не спится. Вокруг все пусто и нѣмо. Жутко... Онъ ѣдетъ съ отцомъ, но одиноко, какъ и прежде, со слезами на глазахъ переживаетъ свое жгучее горе.

Морозная ночь и луна;
Равнина, покрытая снѣгомъ.
Нѣмая вокругъ тишина...
По гладкой, какъ скатерть,
дорогѣ
Мы ѣдемъ въ кибиткѣ съ
отцомъ:
Надолго, быть можетъ, навѣки,
Съ роднымъ расстаюсь я
гнѣздомъ.
Звенить подь дугой коло-
кольчикъ,
Полосыя кибитки скрипятъ,
И ноетъ, болитъ мое сердце,
И слезы туманятъ мой взглядъ
При мысли, что здѣсь ужъ
не встрѣчу
Поры я любимой своей,—
Поры, когда выступить
травка,
Журча засверкаетъ ручей;
Что я не услышу ни шума
Знакомыхъ березъ и дубовъ,
Ни дышащихъ теплой
любובью
И ласкою нянинныхъ словъ.

Юный Плещеевъ въ Петербургѣ. Два года онъ усердно готовится къ поступленію въ учебное заведеніе. Мать желаетъ, чтобы онъ пошелъ по военной службѣ, которая доставляла тогда большіе успѣхи въ жизни, и Плещеевъ поступаетъ въ школу гвардейскихъ подпоручиковъ.

Волѣ матери Плещеевъ подчинился, но недолго онъ пробылъ въ военной школѣ: совсѣмъ не по душѣ она была тихому, миролюбивому юношѣ; не война, не битвы кровавыя интересовали его, — его тревожили иные, жизненные вопросы: такъ ли должны жить люди, какъ теперь живутъ, — властвуя другъ надъ другомъ, угнетая другъ друга, умножая въ жизни бѣдность и горе? какъ устроить жизнь, чтобы всѣмъ людямъ на свѣтѣ легче и лучше жилось? какія цѣли въ своей жизни долженъ преслѣдовать каждый человекъ, чтобы и ему самому и всѣмъ другимъ жилось одинаково хорошо?

Отвѣты на всѣ эти вѣковѣчные вопросы жизни юноша надѣется найти въ наукахъ, — и онъ поступаетъ въ университетъ. Плещееву тогда было около восемнадцати лѣтъ.

Сверхъ урочныхъ занятій въ университетѣ Плещеевъ жадно читаетъ книги о лучшемъ устройствѣ жизни людей, посѣщаетъ театръ, гдѣ въ живыхъ образахъ и картинахъ изображается жизнь людская, какъ она есть и какою должна быть. У него мало-по-малу складываются и свои собственныя мысли, и онъ ищетъ общенія съ живыми людьми,

чтобы вмѣстѣ съ другими все обсудить и сообща поучиться. Плещеевъ близко сходитя съ родственными по мыслямъ людьми, посѣщаетъ кружки мыслящей молодежи, гдѣ сообща читають книги, обсуждаютъ вопросы жизни, горячо спорять. У всѣхъ одна въ душѣ цѣль—просвѣтить свой умъ, обогатить себя жизненными познаніями.

Пробудившіяся въ юношѣ новыя живыя мысли, неподдѣльныя и горячія чувства, прирожденный поэтическій талантъ вдохновляютъ Плещеева, неудержимо требуютъ отъ него передать свои мысли и чувства широкому кругу людей, сказать свое слово правды всему свѣту. Плещеевъ дѣлаетъ первые опыты и сразу встрѣчаетъ сочувствіе. Онъ весь и безповоротнo на всю жизнь отдается литературѣ: пишетъ стихи, составляетъ статьи и рассказы, дѣлаетъ переводы съ иностранныхъ языковъ въ стихахъ и прозѣ. Сочиненія его охотно печатають, и всѣ единодушно хвалятъ. Его принимаютъ въ свой кругъ лучшіе литераторы того времени. Вся мыслящая молодежь увлекается его стихотвореніями, его горячими и бодрящими призывами идти впередъ,—къ свѣту знаній, осуществлять въ жизни добро и правду, служить на пользу другихъ, обездоленныхъ людей.

Впередъ! Безъ страха и со-

Ужъ въ небесахъ зави-

мѣнья

дѣль я.

На подвигъ доблестный, друзья!

Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу

Зарю святого искупленья

руки

И вмѣстѣ двинемся впередъ, Союзъ нашъ крѣпнеть
И пусть подъ знаменемъ науки и растеть.

Зарю новыхъ, лучшихъ дней, зарю святого искупленія отъ крѣпостной неволи крестьянъ и отъ всяческихъ золъ тогдашней суровой жизни поэтъ завидѣлъ въ литературѣ и въ жизни не только у нашихъ западныхъ сосѣдей, но и въ думахъ и въ чувствахъ лучшихъ нашихъ людей того времени,

Западная Европа была охвачена тогда, въ сороковые годы прошлаго столѣтія, необычайнымъ волненіемъ: во всѣхъ классахъ общества жило недовольство настоящею жизнію, и всѣ желали и требовали переменъ. Просвѣщенные передовые умы указывали, какъ надобно устроить жизнь, чтобы всему населенію жилось впредъ и легче, и лучше. Въ газетахъ, въ книгахъ и въ публичныхъ собраніяхъ обсуждались и разрѣшались вопросы: какъ получить народу самоуправленіе? какъ уравнять всѣхъ гражданъ въ правахъ и въ обязанностяхъ? какъ уменьшить бѣдность въ народѣ и увеличить народное богатство? какъ распространить въ народѣ истинное просвѣщеніе?

Умственнѣе движеніе въ Западной Европѣ перенеслось, какъ молнія, въ Россію, и на него откликнулись «живыя души», горячіе умы, благородныя чувства, особенно же среди молодежи. Не

смотря на строгій запретъ, получались изъ-за границы запрещенныя у насъ книги. Увеличилось число просвѣтительныхъ кружковъ, гдѣ эти книги читали и горячо обсуждали. Больше всего занималъ тогда всѣхъ давно наболѣвшій вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной неволи. И всѣ желали, чтобы «по манію царя» пало крѣпостное право и для всѣхъ настали дни «свободы просвѣщенной».

Алексѣю Николаевичу Плещееву близки и дороги были вопросы о правахъ человѣка, о правдѣ и справедливости въ жизни людей, и онъ усердно посѣщалъ эти кружки, принималъ живое участіе въ литературныхъ бесѣдахъ.

Правительство наше заботливо и зорко слѣдило, чтобы волненія и свободолюбивыя мысли Европы не распространились и въ Россіи. Собранія и бесѣды въ кружкахъ считались незаконными. Участники кружковъ были заподозрѣны въ преступныхъ замыслахъ. Начались аресты. Заключенъ былъ въ Петропавловскую крѣпость и А. Н. Плещеевъ. По приговору суда онъ былъ лишенъ дворянства и осужденъ на службу въ оренбургскій корпусъ рядовымъ солдатомъ «за участіе въ преступныхъ замыслахъ и другіе противозаконные поступки».

Поэтъ Плещеевъ сталъ рядовымъ солдатомъ безъ всякой надежды на улучшеніе своей доли въ будущемъ. А ему было тогда только 24 года. Жесто-

кая судьба оторвала молодого мечтателя отъ просвѣщенныхъ друзей и знакомыхъ, отъ мирныхъ литературныхъ трудовъ, забросила его въ глушь, на далекую окраину, въ суровую жизнь солдатской казармы. Онъ отданъ былъ подъ строжайшій надзоръ и на выучку къ суровому «дядькѣ», безграмотному унтеръ-офицеру. Въмѣсто литературы пришлось заниматься изо дня въ день ружейными приѣмами, учиться солдатской выправкѣ и маршировкѣ, «безъ разсужденій» и безпрекословно исполнять всякія требованія. Наравнѣ съ другими рядовыми солдатами онъ ходилъ въ карауль, отправлялъ всѣ казарменные работы, бѣгалъ на посылки. Ни на одинъ часъ не дозволено было отлучаться изъ казармы. Офицеры отъ него сторонились, какъ отъ государственнаго преступника. Не съ кѣмъ и поговорить по душѣ, обмѣняться живою мыслію.

Много горя-злосчастія и всяческихъ тяжкихъ лишеній перенесъ поэтъ въ непривычной для него солдатской службѣ, и только любовь матери уберегла его отъ полного отчаянія, отъ послѣдней гибели его разбитой жизни и убаюкала надеждою на лучшее будущее. Мать пріѣхала къ своему несчастному сыну, нашла ему покровителей среди вліятельныхъ лицъ, и жизнь Плещеева улучшилась, ему легче стало дышать.

Съ воцареніемъ императора Александра II времена перемѣнились, и все русское общество ожи-

вилось надеждою на лучшее будущее. Смилоствовала судьба и надъ Плещеевымъ; послѣ шестилѣтней службы рядовымъ солдатомъ онъ произведенъ въ офицеры (1856 г.), а потомъ и совсѣмъ уволенъ отъ военной службы и поступилъ на гражданскую службу въ Оренбургъ. Начальникъ Плещеева оказывалъ ему доброе покровительство. Губернское общество принимало его въ свой кругъ, какъ желаннаго гостя. Даже и тѣ, кто прежде смотрѣлъ недружелюбно на политическаго ссыльнаго, теперь относились къ нему добродушно. Среди оренбургскаго общества Плещеевъ нашелъ себѣ и жену-друга, которая во всемъ сходилась съ нимъ по своему характеру, и зажила съ нею душа въ душу.

Черезъ три года службы Плещееву разрѣшили выдти въ отставку (1859 г.), позволили поселиться на жительство въ Москвѣ. Теперь поэтъ могъ вернуться къ прежней своей жизни, и онъ весь навсегда отдается литературнымъ трудамъ.

Скучно оплачивался тогда литературный трудъ, и до старости своей терпѣлъ поэтъ недостатокъ въ деньгахъ. Но излюбленный трудъ, служеніе правдѣ и добру приносятъ высокое душевное удовлетвореніе, довольство собою и своей жизнію. И такой труженникъ не промѣняетъ своей скучной и часто суровой доли на сытое и безпечальное прозябаніе.

Много горя-злосчастія и тяжких непосильныхъ страданій пережилъ Плещеевъ въ годы своей молодости, въ суровой солдатской службѣ подневольной. Но много и душевныхъ силъ дано было поэту отъ рожденія, и пережилъ онъ эти злосчастныя годы, одолѣлъ тяжкія муки и сберегъ-сохранилъ въ себѣ любовь къ людямъ, вѣру въ торжество свѣта надъ тьмою, добра надъ зломъ, правды надъ неправдой. Сохранилъ онъ въ себѣ и неодолимое стремленіе служить людямъ не ради сытой жизни, не ради почестей и славы, а безкорыстно, ради счастья другихъ, забывая самого себя. И теперь, послѣ тяжкихъ ударовъ судьбы за это высокое служеніе людямъ, поэтъ вновь призываетъ всѣхъ „на подвигъ доблестный“. Въ этомъ великомъ и мирномъ подвигѣ — личное душевное счастье cadaго; въ этомъ братскомъ мирномъ союзѣ — залогъ счастья и всѣхъ людей.

Еще въ юности ранней поэтъ зналъ вѣковѣчную правду древнѣйшихъ мудрецовъ міра о *двухъ дорогахъ жизни*, всею душою усвоилъ себѣ эту правду жизни и другимъ говорилъ о ней.

Двѣ легли дороги, братья, передъ нами,
А какая лучше,—разсудите сами.
Первая дорога—широка, привольна,
Всякаго народу ходить тутъ довольно;
Глаже, веселѣе не сыскать дороги:
Не изрѣжутъ камни пѣшеходу ноги,

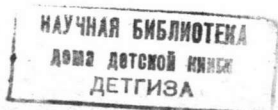
По бокамъ все рощи съ темною листвою,
Есть гдѣ пріютиться отъ дождя и зною.
И въ садахъ роскошныхъ недостатка нѣту,
И гулять въ нихъ можетъ всякій безъ запрету.
Тамъ плоды на солнцѣ, наливаясь, зрѣютъ;
Тамъ цвѣты въ зеленой муравѣ пестрѣютъ,
Какъ богатой ткани яркіе узоры:
Любоваться ими не устанутъ взоры.
И ведетъ не къ горю, не къ нуждѣ гнетущей,
А къ счастливой долѣ этотъ путь цвѣтущій.
Въ роскоши да въ нѣгѣ весело, богато
Заживетъ счастливецъ въ расписныхъ палатахъ.
Передъ нимъ холопы будутъ изгибаться,
Отъ него подачки жадно добиваться...
Золотомъ пресыщенъ и пресыщенъ властью,
Попривыкнувъ къ лести и къ подобию страсти,
Онъ совсѣмъ забудетъ, что на бѣломъ свѣтѣ
Есть нужды и горя страждущія дѣти,
Что они не знаютъ счастья до могилы,
А чела не клонятъ рабски передъ силой.
Славная дорога! Хоть кого заманить,
Околдуетъ сердце, разумъ отуманитъ..
Но другой есть путь—кремнистый,
По горамъ крутымъ идетъ;
Не шумить здѣсь садъ тѣнистый,
И не зрѣетъ сочный плодъ.
Только острыя каменья
Чья-то щедрая рука
Разбросала на мученье
Пѣшехода-бѣдняка.
Тернъ колючій, то и дѣло,
Выростаетъ изъ земли
И ему вонзается въ тѣло
Иглы острыя свои.
И идущимъ по такому

Безотрадному пути—
 Въ золоченныя хоромы,
 Къ наслажденью не пройти!
 И не ждуть они веселья,—
 На пирахъ имъ мѣста нѣтъ;
 Въ путь они пустились съ цѣлью
 Проложить въ пустынь слѣды.
 Хоть угрюма та дорога
 И не къ радостямъ ведетъ,
 Но по ней за ними много
 Новыхъ путниковъ пойдетъ—
 Съ упованьемъ, что желанный
 Часъ придетъ когда-нибудь,
 Что на край обѣтованный
 Будетъ имъ дано взглянуть;
 И съ душою умиленной,
 Въ этотъ часъ, съ крутыхъ высотъ,
 Солнце правды надъ вселенной
 Встрѣтятъ путники восходъ!..
 Такъ-то, братья! Передъ нами
 Пролегаютъ два пути...
 Разсудите же вы сами,
 По какому намъ идти! *)

Безповоротно рѣшилъ поэтъ и самому идти, и другихъ за собою вести по кремнистому пути съ надеждою, что этотъ путь приведетъ человѣчество въ обѣтованный край всеобщаго счастья, а самимъ путникамъ дастъ свѣтлое утѣшеніе и высокую радость встрѣтить подъ конецъ жизни своей восходъ солнца-правды надъ вселенной.

*) Стихотвореніе это посвящено И. С. Аскакову.

Внутренний голосъ съ молодости говорилъ поэту о томъ, что встрѣтитъ онъ на своемъ кремнистомъ пути отъ людей. «Подыметъ на тебя каменя твой народъ за то, что обвинишь могучимъ словомъ ты рабовъ грѣха, рабовъ постыдной суеты, кто въ тинѣ праздности погрязъ... Но не страшися ихъ... иди прямой дорогою,—привычной смѣлою стопой»... «Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ вѣчной. Поднявъ чело, иди безстрашною стопою, иди, храня въ душѣ своей свой чистый идеаль, на слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою и одобряя тѣхъ, въ борьбѣ кто духомъ палъ... Врагамъ озлобленнымъ прости, и вѣрь, что встрѣтишь, какъ Спаситель, учениковъ ты на пути»...

Встрѣтитъ поэтъ,—учитель и дѣлатель правды и добра,—учениковъ-послѣдователей, и тогда еще шире и глубже станетъ разрастаться его святое дѣло. И этотъ высокій подвигъ безкорыстныхъ и самоотверженныхъ сѣятелей принесетъ въ жизни роскошный цвѣтъ, обильные плоды: «зерно любви въ сердца глубоко западетъ, — придетъ пора, и дастъ оно роскошный плодъ».

Поэтъ искренно вѣруетъ, что «человѣку той поры недолго ждать, — недолго будетъ онъ томиться и страдать». «Пронесутся дни бѣдствій, горя и тревогъ... навѣки въ мірѣ водворится священной истины законъ, и гордыхъ власть предъ

нимъ смирится, и смолкнетъ ненависть племенъ». «Смотри, ужъ правды лучъ прозрѣвшимъ племенамъ сверкаетъ изъ-за тучъ:» прозрѣвшіе отъ слѣпоты, просвѣщенные сосѣди наши уже начали устраивать свою жизнь по правдѣ и справедливости, чтобъ всѣмъ безобидно жилось.

Великъ и святъ, труденъ и суровъ подвигъ сѣятелей правды и добра, а въ этомъ подвигѣ Плещеевъ видитъ истинное назначеніе поэта. Въ этомъ подвигѣ дѣлателя добра найдетъ поэтъ, какъ и всякій другой человѣкъ, свое истинное и высокое счастье.

И если въ старости, въ раздумья часъ печальный,
Ты скажешь: „въ міръ я оставилъ добрый слѣдъ“
И встрѣтитъ я могу спокойно мигъ прощальный, —
Ты будешь счастливъ, другъ: много счастья нѣтъ!

Оставить въ міръ добрый слѣдъ, умножая своею жизнію правду и добро, — вотъ истинное назначеніе и цѣль жизни cadaго человѣка. Особенно нужно помнить это не только избранникамъ; одареннымъ отъ природы талантами, но и баловнямъ судьбы, получающимъ отъ жизни земныхъ благъ больше другихъ; они должны помнить, что на свѣтѣ много, — очень много, — обездоленныхъ судьбою. А вѣдь всѣ они, эти обездоленные судьбою несчастливцы, имѣютъ такое же право на счастливую жизнь, и очень можетъ быть, что судьба съ избыткомъ осчастливила тебя, своего любимца, въ ущербъ другимъ.

О, не забудь, что ты должникъ
Того, кто сирѣ и нагъ, и бѣденъ,
Кто подъ ярмомъ нужды поникъ,
Чей скорбный ликъ такъ худъ и блѣденъ;
Что отъ небесъ ему одни
Съ тобой даны права святыя
На все, чѣмъ ясны наши дни, —
На наши радости земныя.

Несправедливо забывать и тѣхъ избранниковъ-
страдальцевъ, сѣятелей правды и добра, учителей
жизни, которые служили и служатъ людямъ
«толпѣ указывая путь къ возрожденію, къ жизни
новой», и въ награду за то получаютъ отъ жизни
«вѣнецъ терновый».

И пусть въ дому твоёмъ найдутъ,
Борьбой измученные братья—
Забвенье мукъ, отъ бурь пріютъ
И брата вѣрныхъ объятья.

По-братски любовно нужно жить каждому че-
ловѣку съ каждымъ человѣкомъ, и тогда воца-
рится межъ людьми миръ и любовь, и всеобщее
счастье:

О, какъ бы онъ счастливъ былъ, свѣтъ этотъ старый,—
Да люди другъ друга понять не хотятъ;
Къ сосѣду сосѣдъ не придетъ и не скажетъ:
„Вѣдь люди всѣ—братья, дай руку мнѣ, братъ!“

Въ годы молодости и до старости своей мечталъ поэтъ о всеобщемъ счастьѣ людей и всею душою скорбѣлъ за обездоленныхъ пасынковъ жизни, а всего ближе его сердцу были обездоленные братья, дѣти общей матери-родины, горячо любимой имъ.

Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки!
Вонъ, вдали соломой крытыя избушки,
И бѣгутъ надъ ними тучи вперегонку
Изъ родного края въ дальнюю сторонку.
Бѣлыя березы, жидкія осины,
Пашни да овраги—грустныя картины!
Не пройдешь безъ думы, безъ тяжелой, мимо.
Что же къ нимъ все тянетъ такъ неодолимо?
Вѣдь на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно,
Гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно;
Но и тамъ, при блескѣ голубого моря,
Наше сердце ноетъ отъ тоски и горя,
Что не видятъ взоры ни березъ плакучихъ,
Ни избушекъ этихъ сѣренькихъ, какъ тучи...
Что же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило,
И какая манитъ тайная къ нимъ сила?

Великая и неодолимая сила эта — любовь къ матери-родинѣ, — къ ея родной природѣ, къ родному народу, — ко всему, съ чѣмъ сроднилось крѣпко сердце съ дѣтскихъ лѣтъ, а зрѣлый умъ подсказалъ потомъ, какъ много грустнаго въ этихъ родныхъ картинахъ, какъ несправедливо обездоленъ родной народъ, какъ неправильно живетъ ему въ крѣпостной неволѣ.

Свѣтлою радостью забилося любящее сердце
поэта, когда его давнишнія и выстраданныя имъ
мечты о лучшей долѣ народа осуществились въ
жизни, и десятки миллионовъ крестьянъ получили
давно желанную свободу.

Трудились, бѣдные, вы, отдыха не зная,
Судьбѣ покорные, трудились день и ночь
И думали: знать, доля ужъ такая
Намъ Богомъ суждена,—и горю не помочь!
Смочивъ поля кровавымъ, скорбнымъ потомъ,
Вы знали, что не вамъ они готовятъ плодъ;
Но не роптали вы, согбенные подъ гнетомъ,
Нѣтъ! Вы несли свой крестъ, какъ праведникъ несетъ.
И Тотъ, Кто мѣръ Своею чистою кровью
Отъ рабства искупилъ, Кто, какъ и вы, страдалъ,
Кому молились вы смиренно и съ любовью,—
Вамъ избавителя вѣнчаннаго послалъ.

Поэтъ вѣрить, что освобожденный отъ неволи
народъ возродится теперь къ новой и лучшей
жизни. и горячо желаетъ, чтобы не плодилось
больше, а уменьшилось въ жизни зло, и чтобы
забыты были старыя обиды, чтобы въ мирѣ со
всеми началась и протекала новая жизнь воль-
ныхъ людей.

...Настанетъ пора святого возрожденья!
Да будетъ ясенъ дня грядущаго разсвѣтъ;
Да принесетъ онъ вамъ съ прошедшимъ примиренье
И раны вѣковой да уврачуется слѣдъ!

Свѣтлую надежду на лучшую жизнь раздѣ-
ляетъ поэтъ вмѣстѣ со старикомъ-дѣдомъ, лю-
бовно ласкающимъ своего кудряваго внука:

Долго маялся я, много
Вынесъ горя на плечахъ,—
Не легка была дорога,
Да Господь помогъ: Онъ благъ.
Хоть во многомъ былъ я грѣшенъ
И хоть часто я ропталъ,
Но подъ старость Имъ утѣшенъ:
Мнѣ Онъ радость ниспослалъ
Знаю я, мой свѣтикъ, Саша,
Веселѣй твой будетъ вѣкъ:
Доля ждетъ тебя не наша,—
Будешь вольный человѣкъ!

Много зла и горя приноситъ человѣкъ чело-
вѣку и въ личной, и въ общественной жизни;
много зла и горя приноситъ въ жизнь и племен-
ная вражда, кровавая борьба народа съ народомъ.

Отчизну я люблю глубоко и желаю
Всей полнотой души цвѣсти и крѣпнуть ей;
Но къ племенамъ чужимъ вражды я не питаю,—
Ей мѣста нѣтъ въ душѣ незлобивой моей.
И къ небесамъ я шлю горячія молитвы,
Чтобъ низошла въ сердца озлобленныхъ любовь,
Чтобъ миновали дни тревогъ, ожесточенья...

Поэтъ отъ всей души и горячо желаетъ, чтобы
народъ съ народомъ жили по-братски, чтобы по
ученію Христа всѣ племена слились въ единую
семью.

Есть другой, лютый и общій для всѣхъ врагъ;
есть другая борьба-война безкровная, одинаково
для всѣхъ благодѣтельная и почетная.

По окончаніи кровавой войны Плещеевъ радуется, что родина вышла невредима изъ этой борьбы и, отстоявъ свой край родимый, народъ великій отдохнулъ. Война окончилась, и родина опять зоветъ.

Своихъ сыновъ на бой упорный,
Но этотъ бой уже не тотъ...
Со зломъ и тьмой, съ неправдой черной
Она зоветъ теперь на бой,
Во имя истины святой.

Не страшень намъ и новый врагъ,
И съ нимъ отчизна совладеетъ...
Смотрите! Уже рѣдѣетъ мракъ,
Ужъ свѣтъ повсюду проникаетъ,
И, содрогаясь, чувствуетъ зло,
Что торжество его прошло.

Вотъ эта безкровная война «со зломъ и тьмой, съ неправдой черной»—законна и желанна, потому что она принесетъ благо всему народу. Для счастья родины поэтъ желаетъ, чтобы расширился кругъ и умножилось число трудящихся на пользу родного края.

Чтобъ волной широкой знанье
Разлилось повсюду въ немъ
И чтобъ мира кроткій геній
Осѣнилъ его крыломъ.

И не для одной только своей родины Плещеевъ желаетъ такого просвѣщеннаго и мирнаго счастья, но и для всѣхъ народовъ всего міра.

Засвѣтись, о, день счастливый!
Разгони густой туманъ,
Что лежитъ еще на нивахъ
Столькихъ, сномъ объятыхъ, странъ.

Далеко - далеко впередъ уносился поэтъ въ свѣтлыхъ мечтахъ своихъ о мирномъ и свѣтломъ счастьи людей, — о счастьи каждого человѣка, о счастьи глубоко любимой имъ родины, о счастьи всего міра. Наука и широко разлитое повсюду просвѣщеніе разсѣютъ мракъ невѣжества, поймутъ люди великій законъ Христа о мирѣ межъ собою и взаимной любви, и исполнять его въ жизни своей, и будутъ жить любовно, по-братски другъ съ другомъ, заботясь не о личномъ только счастьи, но и о счастьи другъ друга, о счастьи всѣхъ людей-братьевъ. Братская любовь уравниваетъ всѣхъ людей другъ передъ другомъ, и перестанутъ они возвышаться и властвовать другъ надъ другомъ для личной выгоды своей, и уничтожится тогда унизительное для человѣка и тягостное рабство, и воцарится просвѣщенная свобода. Воцарится кроткій миръ у человѣка съ человѣкомъ, у народа съ народомъ, — воцарится на всемъ свѣтѣ мирное, свѣтлое счастье.

Поэтъ мечтаетъ о мирѣ всего міра; онъ неустанно проповѣдуетъ братскую любовь, какъ свѣтлый источникъ всеобщаго счастья. Такъ мечтали и такъ учили избраннѣйшіе изъ людей всѣхъ вѣковъ и народовъ,—мудрецы и пророки,—а миръ и до нашихъ дней во злѣ лежитъ. „Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ“, „и нѣтъ во-кругъ отраднаго разсвѣта“.

И въ душу поэта невольно закрадываются „безотрадные думы“, является «горькое сомнѣнье», приходятъ «дни скорби и тревогъ», «тоски болѣзненной», нападаетъ «тяжкое раздумье». Молодость, „какъ сладкій сонъ исчезла“, жизнь проходитъ «въ тяжкихъ испытаньяхъ», «силы падаютъ въ борьбѣ неравной»: такъ не лучше ли, не благо-разумнѣе ли будетъ заглушить въ себѣ мировую скорбь о бѣдствіяхъ въ жизни людей, забыть свои грезы о мировомъ счастьи и примириться съ неизбежнымъ въ человѣческой жизни зломъ?..

Но и въ эти тяжкіе дни горькаго сомнѣнья безотрадное раздумье скоро смѣняется вѣрою въ могучую силу любви, въ силу свѣта и добра:

Нѣтъ, до конца я вѣры не утрачу,
Что озаритъ нашъ міръ любви и правды свѣтъ!..
Пускай, я здѣсь, какъ въ морѣ капля, значу,
Но каждый честный бой оставить долженъ слѣдъ.

Вѣдь и море составляется изъ капель... А если каждый изъ людей вступитъ въ честный бой со зломъ, тогда и зло исчезнетъ...

Съ этою свѣтлою вѣрою въ грядущій свѣтъ любви и правды, за эту каплю добра, какую можетъ поэтъ внести въ жизнь,—онъ готовъ «испить до дна чашу, полную страданья и волненья»: «хотя бы жизнь однѣ сулила муки, я бодро встрѣчу ихъ, благословивъ ихъ путь». Это — высшее совершенство человѣка, его высшее назначеніе...

Нѣтъ, лучше гибель безъ возврата,
Чѣмъ миръ постыдный съ тьмой и зломъ,
Чѣмъ самому на гибель брата
Смотрѣть съ злораднымъ торжествомъ,
Чѣмъ промѣнять на сонъ отраднѣй
И честный трудъ, и честный бой,
И незамѣтно въ тинѣ смрадной
Въ грязи увязнуть съ головой!

Свою рѣшимость служить добру до послѣднихъ силъ своихъ, свою вѣру въ непобѣдимую силу любви поэтъ укрѣплялъ высокимъ примѣромъ Учителя любви, отдавашаго жизнь за ученіе Свое.

Онъ шелъ безропотно тернистою дорогой.
Онъ встрѣтилъ радостно и гибель, и позоръ;
Уста, вѣщавшія ученье правды строгой,
Не изрекли толпѣ глумящейся укоръ.
Онъ шелъ безропотно и, на крестѣ распятый,
Народамъ завѣщаль и братство, и любовь;
За этотъ грѣшный міръ, порока тьмой объятый,
За ближняго лилась Его святая кровь.
О, дѣти слабыя скептическаго вѣка!
Иль вамъ не говорить могучій образъ тотъ
О назначеніи великомъ человѣка!

И волю спящую на подвигъ не зоветь?
О, нѣтъ! не вѣрю я! Не вовсе заглушили
Въ насъ голосъ истины корысть и суета:
Еще настанетъ день... Вдохнетъ и жизнь, и силу
Въ нашъ обветшалый мѣръ ученіе Христа.

Стремленіе къ свободѣ и свѣту, къ добру и правдѣ живетъ въ глубинѣ души каждаго чловека; но чистый и свѣтлый голосъ души заглушается и затемняется своекорыстными и пошлыми заботами о низменныхъ матеріальныхъ благахъ, о личныхъ радостяхъ, о личномъ только счастьи. Ярче и сильнѣе всего горитъ этотъ истинный свѣтъ, громче всего говоритъ этотъ голосъ въ юношествахъ; въ немъ живетъ и „пылкая отвага, и вдохновенныя мечты, и готовность во имя блага, покинувъ все, семью и домъ, идти на битву съ мощнымъ зломъ“.

Самъ поэтъ теряетъ уже силы «на этотъ подвигъ трудный и суровый». «Какъ рабъ, что много лѣтъ носилъ неволи тяжкія оковы, я духомъ слабъ, я изнемогъ: сломилъ меня желѣзный рокъ»... Но въ поэтѣ до глубокой старости несокрушимо живетъ вѣра въ будущее и «къ отважной юности любовь». Она, эта юность, эти молодые поколѣнья смолоду начинаютъ жить при лучшихъ условіяхъ, они обновятъ обветшалую жизнь, на дѣлѣ своей жизни оправдаютъ всѣ вѣрованія поэта, и онъ желаетъ молодому поколѣнію крѣпкихъ силъ для борьбы со зломъ и для побѣды надъ нимъ.

А. Н. Плещеевъ нѣжно и трогательно любилъ дѣтей: ихъ не успѣли еще испортить пошлость жизни. Съ дѣтьми и при дѣтяхъ онъ забывалъ тяжелыя невзгоды своей жизни.

Люблю я васъ, курчавыя головки!
Вашъ звонкій смѣхъ, и ваша бѣготня,
И хитрости ребяческой уловки,—
Все веселить и радуетъ меня!
Гляжу на васъ въ сердечномъ умиленнѣ,
Житейскихъ нуждъ забывъ тяжелый гнетъ.

И отъ души желаетъ поэтъ, чтобы дѣтямъ, когда они вырастутъ, жилось лучше, чѣмъ ихъ отцамъ и дѣдамъ, чтобы они увидѣли свѣтлые дни, озаренные лучами правды, чтобы имъ легче было бороться со зломъ.

Ни одинъ другой поэтъ, какъ А. Н. Плещеевъ, не писалъ столько о дѣтяхъ или для дѣтей. Онъ, какъ желанный гость, посѣщалъ школьныя елки, читалъ дѣтямъ свои стихотворенія; и дѣти встрѣчали дѣдушку-поэта съ восторгомъ, проводили его горячею любовью.

Неподдѣльная глубокая любовь къ молодому поколѣнью, какъ къ братьямъ своимъ и лучшимъ друзьямъ, жила въ поэтѣ вмѣстѣ съ твердою вѣрою, что это идущее на смѣну старикамъ поколѣнне «твердою рукой понесетъ святое знамя жизни новой». Отъ всей души, съ надеждой радостной желаетъ онъ молодежи успѣха на этомъ свѣтломъ пути.

Когда, топлясь вокругъ меня,
Кипитъ младое поколѣнье,—
Иного, радостнаго дня
Разсвѣтъ я вижу въ отдаленъи
И говорю съ восторгомъ я:
„Богъ помощь, братья и друзья!

Несите твердою рукой
Святое знамя жизни новой,
Не отступая предъ толпой,
Бросать камни готовой
Въ того, кто сонъ ея смутить,
Чья рѣчь, какъ Божій громъ, разить!

„Богъ помощь, братья и друзья!..
Когда-жъ желанный день настанетъ,
Пусть ваша дружная семья
Отжившихъ насъ добромъ помянетъ,—
Насъ всѣхъ, чья молодость прошла
Въ борьбѣ съ гнетущей силой зла!“

Такимъ же искреннимъ чувствомъ горячей любви
отвѣчала поэтѣ и «юность пылкая»; забывая ве-
селыя забавы, молодежь внимательно слушала его
живыя рѣчи, глубоко его, старика, уважала.

Забывши прыгать и кружиться
Подо звуки бальнаго смычка,
Вотъ юность пылкая тѣснится
Вокругъ сѣдого старика.
Съ нимъ въ разговоръ она вступаетъ,
И отзывъ онъ даетъ на все,

Что такъ волнуешь, увлекаешь
Всегда тревожную ее.
Хоть на челѣ его угрюмомъ
Лежитъ страданій долгій слѣдъ,
Но взоръ его еще согрѣтъ
Живой, не старческою думой.
Къ ученью правды и добра
Не знаетъ онъ вражды суровой:
Онъ знаетъ самъ, что жизни новой
Придетъ желанная пора.

Поражены его рѣчами,
Любуясь старца сѣдиной,
Твердили юноши: „Лѣтами
Онъ только старъ, но не душой!“

Глубокою скорбью и неподдѣльнымъ почетомъ густая толпа московской молодежи проводила любимаго поэта и лучшаго изъ людей своего времени на вѣчный покой *). Гробъ съ его прахомъ несли студенты на рукахъ съ одного края Москвы на другой далекій край. Впереди гроба несли знамя, на которомъ былъ написанъ призывный кличъ поэта: «Впередъ! Безъ страха и сомнѣнья на подвигъ доблестный, друзья!»

Торжественно-печально было это шествіе при тысячеустомъ пѣніи молодежи: «Вѣчная память!»

Такъ съ юношескихъ лѣтъ и до глубокой старости жилъ и страдалъ, вѣрилъ и любилъ, и шелъ въ могилу съ надеждою на свѣтлое обновле-

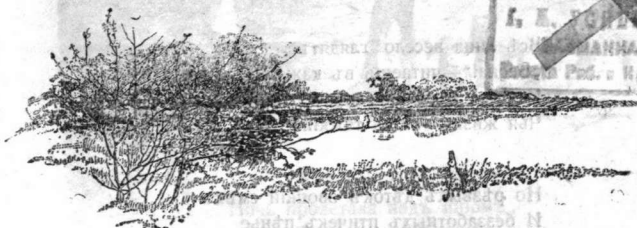
*) А. Н. Плещеевъ похороненъ въ Москвѣ, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

ніе горячо любимой имъ родины—этотъ печаль-
никъ обездоленныхъ, скорбѣвшій міровою скорбью
и всю жизнь мечтавшій о міровомъ счастьи, завѣ-
щавъ молодому поколѣнію идти подъ знаменемъ
науки впередъ и впередъ—на подвигъ доблестный
служенія добру и правдѣ.—Онъ глубоко былъ
убѣжденъ, что только одинъ этотъ путь и ведетъ
къ истинному счастью—и каждого, и всѣхъ.

Блаженъ, кто въ старческіе годы
Всю свѣжесть чувства сохранилъ,
Въ комъ испытанья и невзгоды
Не умертвили духа силъ,
Кто другъ не рабства, а свободы,
Въ комъ вѣра въ истину жива
И кто безстрастно не взираетъ,
Какъ челоуѣчества права
Надменно сильный попираетъ.

Д. И. Тихомировъ.

ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА *).

Весна.

Ужъ таетъ снѣгъ, бѣгутъ ручьи,
Въ окно повѣяло весною...
Засвищутъ скоро соловьи,
И лѣсъ одѣнется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплѣй и ярче солнце стало;
Пора мятелей злыхъ и бурь
Опять надолго миновала.

*) Полная біографія и полное собраніе стихотвореній А. Н. Плещеева изданы А. Ф. Марксомъ. Ц. 4 р.

И сердце сильно такъ въ груди
Стучить, какъ-будто ждетъ чего-то.
Какъ-будто счастье впереди
И унесла зима заботы!

Всѣ лица весело глядятъ.
„Весна!“ — читаешь въ каждомъ взорѣ,
И тотъ, какъ празднику, ей радъ,
Чья жизнь — лишь тяжкій трудъ и горе.

Но рѣзвыхъ дѣтокъ звонкій смѣхъ
И беззаботныхъ птичекъ пѣнье
Мнѣ говорятъ, — кто больше всѣхъ
Природы любить обновленье.

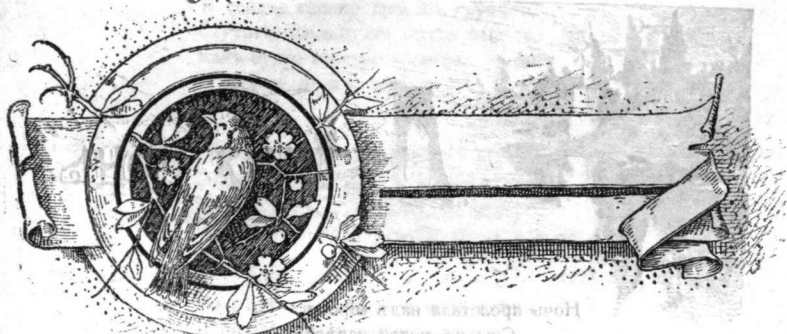
Ночь пролетала надъ міромъ,
Сны на людей навѣвзая;
Съ темно-лазоревой ризы
Сыпались звѣзды, сверкая;

Старые, мощные дубы,
Вѣчно зеленые ели,
Грустные ивы листою
Ночи навстрѣчу шумѣли;

Радостно волны журчали,
Образъ ея отражая;
Рожь наклонялась; сильнѣе
Пахла трава луговая;

Крики кузнечиковъ рѣзвыхъ
И соловьиныя трели,
Въ хорѣ хвалебномъ сливаясь,
Въ воздухѣ тихомъ звенѣли;

И улыбалась кротко
Ночь, надъ землею пролетая;
Съ темно-лазоревой ризы
Сыпались звѣзды, сверкая.

Дѣти и птичка.

„Птичка, намъ жаль твоихъ пѣсенокъ звонкихъ!
Не улетай отъ насъ прочь... Подожди!..“

— „Милыя крошки! Изъ вашей сторонки
Гонять меня холода и дожди.

Вонъ на деревьяхъ, на крышъ бесѣдки
Сколько меня поджидаетъ подругъ!
Завтра вы спать еще будете, дѣтки,
А ужъ мы всѣ понесемся на югъ.
Нѣтъ тамъ ни стужи теперь, ни дождей,
Вѣтеръ листвы не срываетъ съ вѣтвей,
Солнышко въ тучи не прячется тамъ...
— „Скоро ли, птичка, вернешься ты къ намъ?“

— „Я съ запасомъ новыхъ пѣсень
Къ вамъ вернусь, когда съ полей
Снѣгъ сойдетъ, когда въ оврагѣ
Зажурчитъ, блестя, ручей—
И начнетъ подъ вѣшнимъ солнцемъ
Вся природа оживать...
Я вернусь, когда, малютки,
Вы ужъ будете читать!“

Мальчикъ и птичка.

„Лети ко мнѣ, пѣвунья-птичка,
 Съ зеленой вѣтки! Безъ заботъ
 Ты будешь жить въ нарядной клѣткѣ
 И зерна кушать круглый годъ.
 Какъ буду я тебя лелѣять!
 Какъ буду я тебя любить!
 Водицы свѣжей не забуду
 Я по утрамъ тебѣ носить,
 И сколько бѣлаго песочку
 Тебѣ я, птичка, припасу!
 Повѣрь: здѣсь лѣтомъ безопаснѣй,
 Зимой теплѣе, чѣмъ въ лѣсу:
 Тебя охотникъ не подстрѣлитъ,
 Не можетъ ястребъ заклевать;
 Съ утра до вечера спокойно
 Ты будешь въ клѣткѣ распѣвать!“

— „Нѣтъ, нѣтъ! За клѣтку расписную
Я не отдамъ лѣсовъ своихъ,
Хотя бы каждое мгновенье
Мнѣ угрожала гибель въ нихъ,
И не покину я простора,
Цвѣтами убранныхъ полей!..
Дитя! твои мнѣ ласки милы,
Но воля мнѣ еще милѣй!

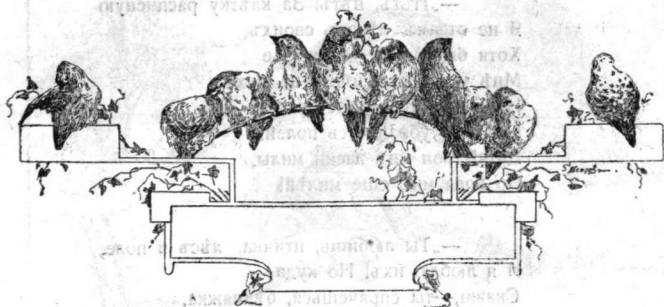
— „Ты любишь, птичка, лѣсъ и поле,
И я люблю ихъ! Но куда,—
Скажи,— ты спрячешься, бѣдняжка,
Когда настануть холода?“

— „Я полечу въ края иные,
Гдѣ вѣчно зеленые луга,
И къ вамъ вернусь, когда растаютъ,
Подъ вещнимъ солнышкомъ снѣга“.

— „А какъ собьешься ты съ дороги
Да и замерзнешь гдѣ-нибудь?“

— „Не бойся, другъ мой: вольной птичкѣ
Господь указываетъ путь!“

Напрасно, птички, васъ мое
Присутствіе тревожитъ:
Спокойно пойте все, что Богъ
Вамъ на сердце положить.

Я не поставлю западни
Вамъ ни въ саду, ни въ полѣ:
И самъ я знаю хорошо,
Что значить жить на волѣ!

ъ бурю.

Комнату лампада
Кротко озаряла;
Мать, надъ колыбелью
Наклонясь, стояла.

А въ саду сердито
Выла буря злая,
Надъ окномъ деревья
Темныя качая.

И колючей вѣткой
Ель въ стекло стучала,
Какъ стучить порою
Путникъ запоздалый.

Дождь шумѣлъ; раскаты
Слышались грома,
И гремѣлъ, казалось,
Онъ надъ крышей дома.

На малютку-сына
Нѣжно мать глядѣла;
Колыбель качая,
Тихо пѣсню пѣла:

„Да уймись ты, буря!
Не шумите, ели!
Мой малютка дремлетъ
Сладко въ колыбели.

„Ты, гроза Господня,
Не буди ребенка!
Пронеситесь, тучи
Черныя, стороной!“

„Бурь еще не мало
Впереди, быть может,
И не разъ забота
Сонъ его встревожить.“

„Спи, дитя, спокойно!
Вотъ гроза стихаетъ..
Матери молитва
Сонъ твой охраняетъ.“

„Завтра, какъ проснешься
И откроешь глазки,
Снова встретишь солнце,
И любовь, и ласки!“

Она была
Она была
Она была
Она была

Она была
Она была
Она была
Она была

Она была
Она была
Она была
Она была

На берегу

Домикъ надъ рѣкою
Въ окнахъ огонекъ —
Свѣтлой полосой
На воду онъ легъ

Въ домѣ не дождутся
Съ ловли рыбака:
Обищаль вернуться
Черезъ два денька;

Но прошель и третій,—
А его все нѣтъ!
Ждутъ напрасно дѣти,
Ждетъ и старый дѣдъ.

Всѣхъ нетерпѣливѣй
Ждетъ его жена,
Ночи молчаливѣй
И, какъ холстъ, блѣдна...

Вотъ за ужинъ съли.
Ей не до ѣды:
„Какъ бы въ самомъ дѣлѣ
Не было бѣды!..“

Вдоль рѣки несется
Лодочка; на ней
Пѣсня раздается
Все слышнѣй, слышнѣй.

Звуки той знакомой
Пѣсни услыхавъ,
Дѣти вонъ изъ дому
Бросились стремглавъ.

Весело вскочила
Изъ-за прялки мать,
И у дѣда сила
Вдругъ нашлась бѣжать.

Пѣсню заглушаетъ
Звонкій крикъ ребятъ;
Тщетно унимаетъ
Старый дѣдъ внучать.

Вотъ и воротился,
Весель и здоровь!..
Въ розказни пустился
Тотчасъ про уловъ:

Въ мѣрды онъ и въ сѣти
Наловилъ всего.
Съ любопытствомъ дѣти
Слушаютъ его.

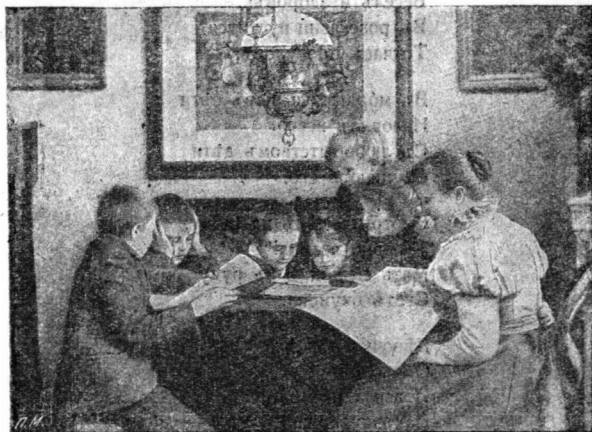
Смотрить дѣдъ на щуку:
„Больно велика!“
Мать сынишкѣ въ руку
Суеъ окунька.

Дѣвочка присѣла
Около сѣтей
И взяла несмѣло
Парочку ершей.

Прыгаютъ, смѣются
Дѣтки, если вдругъ
Рыбки встрепенутся,
Выскользнуть изъ рукъ.

Долго раздавался
Смѣхъ ихъ надъ рѣкой;
Ими любовался
Мѣсяцъ золотой.

Ласково мерцали
Звѣзды съ вышины,—
Дѣтямъ общали
Радостные сны.

Зимній вечеръ.

Хорошо вамъ, дѣтки,
Зимнимъ вечеркомъ:
Въ комнатѣ уютной
Съли вы рядкомъ;

Пламя отъ камина
Освѣщаетъ васъ:
Слушаете жадно
Мамы вы разсказъ.

Радость, любопытство
На лицѣ у всѣхъ,
Часто прерываетъ
Маму звонкій смѣхъ.

Вотъ рассказъ оконченъ,
Всѣ пустились въ заль...
„Поиграй намъ, мама“, —
Кто-то пропичаль.

— „Хоть ужъ девять било,
Отказать вамъ жалъ“...
И послушно съда
Мама за рояль.

И пошло веселье,
Началась возня,
Пляска, пѣсни, хохотъ,
Визгъ и бѣготня.

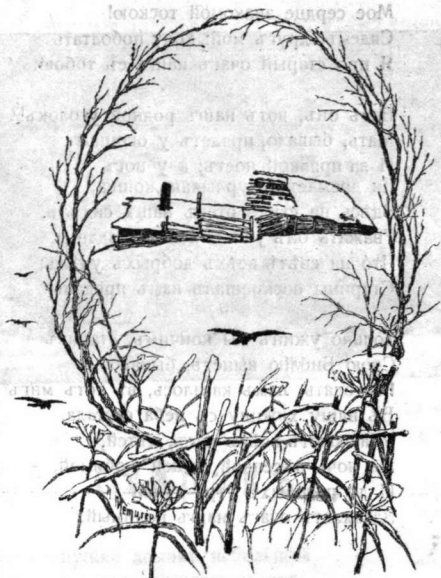
Пусть гудить сердито
Вьюга подъ окномъ, —
Хорошо вамъ, дѣтки,
Въ гнѣздышкѣ своемъ!

Но не всѣмъ такое
Счастье Богъ даетъ:
Есть на свѣтѣ много
Бѣдныхъ и сиротъ.

У однихъ—могила
Рано мать взяла;
У другихъ—нѣтъ въ зиму
Теплаго угла.

Если приведется
Встрѣтить вамъ такихъ,
Вы, какъ братьевъ, дѣтки,
Приглубите ихъ.

Отцовскій очагъ.

Гдѣ плылъ огонекъ вечеркомъ,
Ходить вѣтеръ теперь, завывая,
И безъ крыши стоитъ отчій домъ,
И запущена нива родная.

Какъ болѣзненно сжалось опять
Мое сердце знакомой тоскою!
Сядемъ, другъ мой: хочу поболтать
Я про старый очагъ нашъ съ тобою.

Вотъ онъ, вотъ нашъ родной уголокъ!..
Мать, бывало, прядеть у окошка
И за прялкой поетъ; а у ногъ
Ея дремлетъ, мурлыкая, кошка.
Здѣсь на стулѣ отецъ нашъ сидѣлъ,
Уважать онъ училъ насъ страданья,
Что на свѣтѣ всѣхъ добрыхъ удѣлъ;
Старины воскрешалъ намъ преданья.

Только ужинъ мы кончимъ, старикъ
Свою Библию вынетъ, бывало;
Благодать, намъ казалось, въ тотъ мигъ
Въ нашу хижину съ неба слетала.
Убаюкаютъ всѣхъ насъ, дѣтей,
На ночь пѣсенкой нашей любимой,—
И до розовыхъ утра лучей
Затиhaетъ очагъ нашъ родимый!

Литовскій университетъ
Литовскій университетъ
Литовскій университетъ
Литовскій университетъ

Старикъ.

У лѣсной опушки домикъ небольшой
Гостѣшалъ я часто прошлою весной.

Въ томъ домишкѣ бѣдномъ жилъ съдой лѣсникъ,
Памятенъ мнѣ долго будешь ты, старикъ.

Какъ приходу гостя радовался ты!
Вижу, какъ теперь, я, добрыя черты;

Вижу я улыбку на лицѣ твоёмъ —
И морщинкамъ медкимъ нѣтъ числа на немъ.

Вижу армячишко рваный на плечахъ,
Шапку на затылкѣ, трубочку въ зубахъ.

Помню смѣхъ твой тихій, взглядъ потухшихъ глазъ,
О житѣ́ минувшемъ сбивчивый разсказъ...

По лѣсу бродили часто мы вдвоемъ;
Старику тамъ каждый кустикъ былъ знакомъ.

Зналъ онъ, гдѣ какая птичка гнѣзда вьетъ,
Просѣки, тропинки зналъ наперечеть.

А какой охотникъ былъ до соловьевъ!
Всю-то ночь, казалось, слушать онъ готовъ,

Какъ въ зеленой чащѣ пѣсни ихъ звучать...
И еще любилъ онъ маленькихъ ребятъ.

На своемъ крылечкѣ сидя, каждый день
Ждетъ, бывало, дѣтокъ онъ изъ деревень.

Много ихъ сбѣгалось къ дѣду вечеркомъ;
Щебетали, словно птички передъ сномъ:

„Дѣдушка, голубчикъ, сдѣлай мнѣ свистокъ!“
„Дѣдушка, найди мнѣ бѣленькій грибокъ!“

„Ты хотѣлъ мнѣ нынче сказку разсказать!“
„Посулилъ ты бѣлку, дѣдушка, поймать!“

— „Ладно, ладно, дѣтки, дайте только срокъ,
Будетъ вамъ и бѣлка, будетъ и свистокъ!“

И, смѣясь, рукою дряхлой гладилъ онъ
Дѣтскія головки, бѣлые, какъ лень...

Ждалъ поры весенней съ нетерпѣніемъ я,—
Думалъ: вотъ пріѣду снова въ тѣ края

И отправлюсь къ другу старому скорѣи.
Онъ навстрѣчу выйдетъ съ трубочкой своеи

И начнетъ о сельскихъ новостяхъ болтать.
По лѣсу бродить съ нимъ будемъ мы опять,

Слушая, какъ въ чащѣ свищутъ соловьи...
Но, увы! желанья не сбылись мои.

Какъ съ деревьевъ падать началъ листь сухой,
Смерть подкралась къ дѣду тихою стопой.

Одинокъ, угасъ онъ въ домикѣ своемъ,
И горюють дѣтки больше всѣхъ по немъ.

Кто поймаетъ бѣлку, сдѣлаетъ свистокъ?..
Долго будетъ миль имъ добрый старичокъ.

И гдѣ спать теперь онъ непробуднымъ сномъ,
Часто голоса ихъ слышны вечеркомъ...

Елка.

Въ школѣ шумно; раздаётся;
Бѣготня и шумъ дѣтей...
Знать, они не для ученья
Собрались сегодня въ ней!

Нѣтъ! Рождественская елка
Въ ней сегодня зажжена;
Пестротой своей нарядной
Дѣтокъ радуется она.

Дѣтскій взоръ игрушки манятъ:
Здѣсь — лошадка, тамъ — волчокъ,
Вотъ — желѣзная дорога,
Вотъ — охотничій рожокъ.

А фонарики! а звѣзды,
Что алмазами горять!
А орѣхи золотые!
А прозрачный виноградъ!

Будьте жъ вы благословенны,
Вы, чья добрая рука
Убирала эту елку
Для малютокъ бѣдняка!

Рѣдко, рѣдко озаряетъ
Радость свѣтлая ихъ дни,—
И весь годъ имъ будутъ сниться
Елки яркіе огни!

ЦВѢТОКЪ.

Весело цвѣтики въ полѣ пестрѣютъ;
Ихъ по ночамъ освѣжаетъ роса,
Днемъ ихъ лучи благодатные грѣютъ,
Ласково смотрять на нихъ небеса.

Съ бабочкой пестрой, съ гудящей пчелою,
Съ вѣтромъ имъ любо вести разговоръ...
Весело цвѣтикамъ въ полѣ весною,
Милъ имъ родимаго поля просторъ!

Вотъ они видятъ въ окнѣ, за рѣшеткой,
Тихо качается блѣдный цвѣтокъ...
Солнца не зная, печальный и кроткій,
Выросъ онъ въ мрачныхъ стѣнахъ одинокъ.

Цвѣтикамъ жаль его бѣднаго стало,
Хоромъ они къ себѣ брата зовутъ:
„Солнце тебя никогда не ласкало,
Брось эти стѣны,—зачахнешь ты тутъ“.

— „Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ,—хоть весело въ полѣ
И наряжаетъ васъ ярко весна,
Но не завидую вашей я долѣ
И не покину сырого окна.

Пышно цвѣтите! Своей красотою
Радуйте, братья, счастливыхъ людей!
Я буду цвѣсть для того, кто судьбою
Солнца лишень и полей.

Я буду цвѣсть для того, кто страдаетъ...
Узника я утѣшаю одинъ:
Пусть онъ, взглянувъ на меня, вспоминаетъ
Зелень родимыхъ долинъ!“

Посль чтенія газетъ.

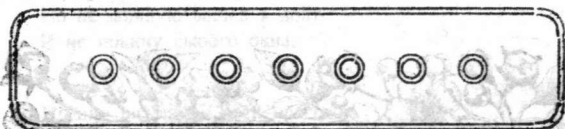
Мнѣ тяжело читать кровавыя страницы,
Что намъ о племенныхъ раздорахъ говорятъ,
Какъ тяжело смотрѣть на сумрачныя лица
Семьи, гдѣ издавна господствуетъ разладъ.

Отчизну я люблю глубоко и желаю
Всей полнотой души цвѣсти и крѣпнуть ей,
Но къ племенамъ чужимъ вражды я не питаю,—
Ей мѣста нѣтъ въ душѣ незлобивою моею.

Разсказъ о подвигахъ на полѣ грозной битвы
Восторгомъ пламеннымъ мнѣ не волнуетъ кровь,
И къ небесамъ я шлю горячія молитвы,
Чтобъ низошла въ сердца озлобленныхъ любовь,

Чтобъ миновали дни тревогъ, ожесточенья,
Чтобъ, позабывъ вражду и ненависть свою,
Покорныя Христа высокому ученью,
Всѣ племена слились въ единую семью!

Легенда.

Былъ у Христа-младенца садъ,
И много розъ взросилъ Онъ въ немъ;
Онъ трижды въ день ихъ поливалъ,
Чтобъ сплестъ вѣнокъ Себѣ потомъ.

Когда же розы расцвѣли,
Дѣтей еврейскихъ созвалъ Онъ;
Они сорвали по цвѣтку,
И садъ былъ весь опустошенъ.

„Какъ Ты сплетишь теперь вѣнокъ?”

Въ Твоемъ саду нѣтъ больше розъ!”

„Вы позабыли, что шипы
Остались мнѣ”, — сказалъ Христосъ.

И изъ шиповъ они сплели

Вѣнокъ колючій для Него,

И капли крови, вмѣсто розъ,

Чело украсили Его.

Всѣ люди—братья.

„Какъ бы онѣ счастливы были,
свѣтъ этотъ старый,—
Да люди другъ друга понять
не хотять:
Къ сосѣду сосѣдъ не придетъ
и не скажетъ:
„Вѣдь люди всѣ—братья! дай
руку мнѣ, братъ!“

Зачѣмъ мы разладъ и вражду не покинемъ,
Зачѣмъ не составимъ одну мы семью?
Одинъ бы другому сказать могъ съ любовью:
„Приди! Мы всѣ—братья, дай руку свою!“

„Богатъ ты, носишь нарядное платье!
Я—бѣденъ, на мнѣ кафтанишко худой;
Но честное сердце въ груди у обоихъ,—
Такъ дай же мнѣ руку, мы—братья съ тобой!“

„Тебѣ ненавистны измѣна и подлость,
Но правды законъ тебѣ дорогъ и святъ;
Я тоже любовью къ добру пламеню;—
Приди! Мы всѣ—братья! дай руку мнѣ, братъ!“

„Ни сильный, ни слабый тобой не обмануть,
За слово свое, какъ и ты, я стою;
Не то же ль, что я, называешь ты счастьемъ?
Мы—братья съ тобою! дай руку свою!

„Ты матерью нѣжно, глубоко любимъ быть,
Моя и жила, и дышала лишь мной;
Пускай мы стоимъ на различныхъ ступеняхъ,
Но руку подай мнѣ! мы—братья съ тобой!

„Мы любимъ вечерняго солнца сѣнь,
Всего намъ дороже родимый нашъ край,
И жизнь для борьбы послана намъ обоимъ;
Мы—братья! такъ братски мнѣ руку подай!

Грозить ужъ обоимъ намъ хилая старость,
И смерть неизбежная ждетъ насъ за ней,
И оба мы въ темную ляжемъ могилу...
Да! люди всѣ—братья! дай руку скорѣй!*

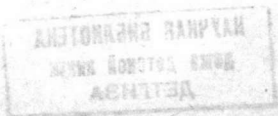

передь—безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!

Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнѣтъ и растетъ!

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать!

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;

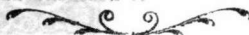
За всё дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ!..

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье,
Противъ озлобленнымъ врагамъ!

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ,
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горить,
И, вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучить,

Внемлите жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ:
Впередъ, впередъ,—и безъ возврата,
Что-бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

Внемлите жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ:

Книгоиздательство **Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ.**

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

РУКОВОДСТВА Д. И. ТИХОМИРОВА ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ.

Чему и как учить на уроках родного языка в начальной школе? Методика обучения грамоте, объяснит. к чтению, грамматике, правописанию, церковнославянскому чтению. Ц. 75 к.

Руководство к „Букварю“. „Как учить на первой ступени писать, читать и считать“. Ц. 70 к.

Книга церковно-славянского чтения. Руководство для учителей. Ц. 1 р.

Опыт плана и конспекта элементарных занятий по родному языку. Методическое пособие для преподавателей элементарной школы. Ц. 55 к.

Вешние всходы. Руководство для учителя. Ц. 40 к.

Букварь. „Для обучения русскому чтению и письму. Составлено согласно новой орфографии. Изд. 161.

Начатки грамматики. Составлено согласно новой орфографии.

Начатки счисления. Руководство к первоначальному обучению арифметике. Изд. 21. (печатается).

Вешние Всходы. Первая после азбуки книга для классного чтения, бесед, устных и письменных упражнений в школе и семье. Изд. 46-е. Ц. 55 к.

Вешние Всходы. Вторая книга для классного чтения и бесед, устных и письменных упражнений в школе и семье. Изд. 39-е. Ц. 1 р. 20 к.

Вешние Всходы. Третья и четвертая книги для классного чтения и бесед, устных и письменных упражнений в школе и семье. Изд. 29-е.

Книга для церковно-славянского чтения, — руков. для учеников, часть 1-я. Изд. 1-е. Ц. 60 к.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ.

Москва, Б. Молчановка, д. 18.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ, Д. Н. Волшебникъ.

- **Кукольный магазинъ.** Разск. Съ рис. 2-е изд.
- **Елка.** 2-е изд.
- **Живая вода.** Рассказъ. Съ рисунками.
- **Неудача.** Очеркъ.
- **Зеленая война.** Сказка.
- **Жидъ.** Рассказъ.
- **Первая охота.** Рассказъ.
- **"Онъ".**
- **На лини.** Рассказъ. Съ рисунками.
- **Зеленая горы.**
- **Исторія одного пыльщика.** Рассказъ.
- **Красное яичко.**
- **Фунтикъ.**
- **Конь-Разбойникъ.**
- **Савка.**
- **Горой.**
- **Бука.**
- **На огонекъ.**
- **У святыхъ могилокъ.**
- **Постойко.** Рассказъ 6-е изд.
- **Старый воробей.** 5-е изд.
- **Золотой братъ.**

ОБИНЗОНЪ КРУЗО. Переработано Е. Н. Тихомировой
ЕРПЪНИЕ и ТРУДЪ ВСЕ ПЕРЕТРУТЪ. первый
сборникъ для внѣкласснаго коллективнаго чтенія
Составила Е. Н. Тихомирова.

Продолжается подписка на 1918 г.

НА ЖУРНАЛЫ:

„ЮНАЯ РОССИЯ“

ежемесячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

Пятидесятый годъ изданія.

книжекъ научно-популярнаго и литературнаго журнала,
въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти,
сказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и
графіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ картинъ и
портретовъ замѣчательныхъ людей;

книжекъ приложеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 15 р., на полгода 8 р., на три
р.; отдѣльный номеръ 1 р. 50 к. съ пересылкою.

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“

журналъ для учителей и воспитателей.

Пятидесятый годъ изданія.

ВЪ ГОДЪ. Журналъ слѣдитъ за развитіемъ
прогрессивно-педагогической
национальных методовъ преподаванія, главное же
настоящее время удѣляетъ вопросамъ о созданіи
школы, соответственной новому общественному
вопросамъ объ организаціи русскаго учительства

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 6 р., на полгода 3 р.;
отдѣльный номеръ 80 к. съ пересылкою.

Редакторъ-издательница Е. Н. ТИХОМИРОВА
РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: Москва, Б. Молчановка, д. № 16

КАТАЛОГЪ
издательства Е. Н. Тихомировой высылается
БЕЗ ПЛАТНО.

КНИЖНЫЕ СКЛАДЫ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, Большая Молчановка, д. № 18.
 2. Москва, Воздвиженка, д. № 4, Книжный Складъ
Т-ва „Кооперативное Издательство“.
-

Представительство по продажѣ изданій Е. Н. ТИХО-
МИРОВОЙ кооперативнымъ объединеніямъ всей Россіи
предоставлено Т-ву „Кооперативное Издательство“,
(Москва, Воздвиженка, д. № 4).